

ist, sich verhält, kommt es als solches Dasein je schon aus dem offenbaren Nichts her.

Da-sein heißt: Hineingehaltenheit in das Nichts.

Sichhineinhaltend in das Nichts ist das Dasein je schon über das Seiende im Ganzen hinaus. Dieses Hinaussein über das Seiende nennen wir die Transzendenz. Würde das Dasein im Grunde seines Wesens nicht transzendieren, d. h. jetzt, würde es sich nicht im vorhinein in das Nichts hineinhalten, dann könnte es sich nie zu Seiendem verhalten, also auch nicht zu sich selbst.

Ohne ursprüngliche Offenbarkeit des Nichts kein Selbstsein und keine Freiheit.

Damit ist die Antwort auf die Frage nach dem Nichts gewonnen. Das Nichts ist weder ein Gegenstand, noch überhaupt ein Seiendes. Das Nichts kommt weder für sich vor noch neben dem Seienden, dem es sich gleichsam anhängt. Das Nichts ist die Ermöglichung der Offenbarkeit des Seienden als eines solchen für das menschliche Dasein. Das Nichts gibt nicht erst den Gegenbegriff zum Seienden her, sondern gehört ursprünglich zum Wesen selbst. Im Sein des Seienden geschieht das Nichten des Nichts.

Allein jetzt muß endlich ein allzu lange zurückgehaltenes Bedenken zu Wort kommen. Wenn das Dasein nur im Sichhineinhalten in das Nichts zu Seiendem sich verhalten, also existieren kann und wenn das Nichts ursprünglich nur in der Angst offenbar wird, müssen wir dann nicht ständig in dieser Angst schweben, um überhaupt existieren zu können? Haben wir aber nicht selbst zugestanden, diese ursprüngliche Angst sei selten? Vor allem aber, wir existieren doch alle und verhalten uns zu Seiendem, das wir nicht selbst und das wir selbst sind — ohne diese Angst. Ist sie nicht eine willkürliche Erfindung und das ihr zugesprochene Nichts eine Übertreibung?

Doch was heißt es: diese ursprüngliche Angst geschieht nur in seltenen Augenblicken? Nichts anderes als: das Nichts ist uns zunächst und zunächst in seiner Ursprünglichkeit verwehrt. Wodurch denn? Dadurch, daß wir uns in bestimmten Wesen willig, auch "Gutwillig" machen, in ihnen sein, uns in anderen Dingen nicht aufhalten, sondern sie über uns hinweggehen lassen.

ЛЕКЦИИ О МЕТАФИЗИКЕ

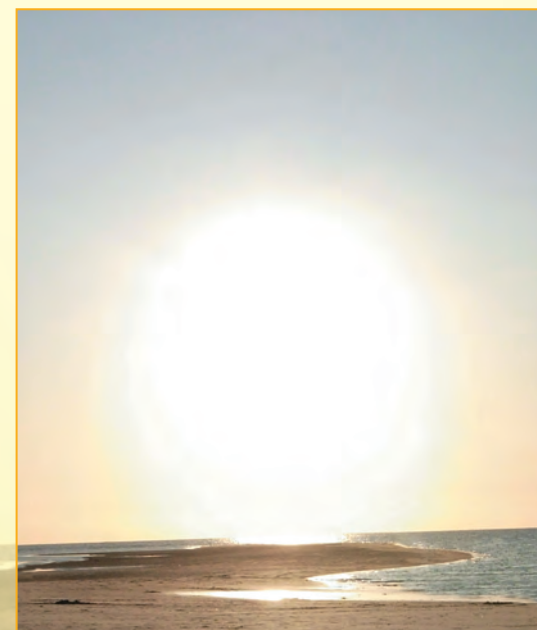
МАРТИН ХАЙДЕГГЕР

S E R I E S M I N O R

МАРТИН
ХАЙДЕГГЕР

ЛЕКЦИИ О МЕТАФИЗИКЕ

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКИХ КУЛЬТУР

ISBN 978-5-9551-0404-1

9 785955 104041 >

МАРТИН ХАЙДЕГГЕР

ЛЕКЦИИ О МЕТАФИЗИКЕ

*Перевод с немецкого и комментарии
Сергея Жигалкина*

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКИХ КУЛЬТУР

Москва

2010

УДК 1.14
ББК 87.21
X 12

Хайдеггер Мартин

X 12 Лекции о метафизике / Пер. с нем. и коммент. С. Жигалкина. — М.: Языки славянских культур, 2010. — 160 с. — (Studia philosophica. Series minor).

ISBN 978-5-9551-0404-1

В книге представлена важнейшая лекция Мартина Хайдеггера «Что такое метафизика?» и главы из курса лекций о Ницше. Особое внимание неизменно уделяется самым основам метафизики, даже когда речь как будто идет о другом, поэтому лекции дают некоторое представление о позиции и философии Хайдеггера в целом. Книга не предназначена для широкого круга читателей, даже для любителей сложных умственных построений, хотя бы потому, что для углубления в философию этого замечательного мыслителя одного интеллектуального усилия недостаточно — необходимо еще и экзистенциальное. Однако для тех, кто не может не думать о смысле и сущности собственной жизни, вообще бытия, эти лекции могут оказаться очень полезными, захватывающими и интересными.

ББК 87.21

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

© Жигалкин С. А., составление, перевод на русский язык, комментарии, 2010

© Языки славянских культур, издание на рус. яз., оформление, 2010

ISBN 978-5-9551-0404-1

СОДЕРЖАНИЕ

От переводчика.	7
-------------------------	---

ЧТО ТАКОЕ МЕТАФИЗИКА?

Постановка метафизического вопроса	21
Углубление в вопрос	24
Ответ на вопрос	30
Послесловие	39

Комментарии	48
-----------------------	----

МЕТАФИЗИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ НИЦШЕ И ЕЕ РОЛЬ В ЕВРОПЕЙСКОМ МЫШЛЕНИИ: ВЕЧНОЕ ВОЗВРАЩЕНИЕ РАВНОГО

Введение

§ 1. Учение о вечном возвращении как метафизическая концепция. Определяющиеся этим этапы исследования.	59
--	----

Часть I

Предварительное обсуждение учения о вечном
возвращении равного. Происхождение,
форма выражения, область действия

Глава I

Учение о вечном возвращении в опубликованных
произведениях. Линия происхождения и развития

§ 2. Заметки Ницше о вечном возвращении в Эссе homo	64
§ 3. Обзор объяснений Ницше учения о вечном возвращении. Отличие этих объяснений от научных.	69
§ 4. Первое объяснение учения о вечном возвращении, данное в «Веселой науке»	74

- § 5. Второе объяснение учения о вечном возвращении,
данное в «Так говорил Заратустра» 87
- § 6. Несколько слов о внутренней связи двух
объяснений учения о вечном возвращении
и о том, каким образом мы размышляли о них. . . . 120
- § 7. Третье объяснение учения о вечном возвращении,
данное в «По ту сторону добра и зла» 123

Часть II

Сущность метафизической концепции и возможность таковой в истории европейской философии

Глава I

О понятии метафизической концепции

- § 19. Слово и понятие «метафизика».
Исходный вопрос метафизики $\tau\acute{\iota}\ \tau\acute{o}\ \acute{\omicron}\nu$ 129
- § 20. Внутренняя структура исходного вопроса. 137

Глава II

Общая характеристика метафизической концепции Ницше

- § 21. Понятие метафизической концепции 143
- § 22. Философия Ницше
как конец европейской метафизики 148

ОТ ПЕРЕВОДЧИКА

Ни один перевод работ Мартина Хайдеггера на другой язык никогда не отразит всей глубины его мысли, не передаст убедительности подлинника. В действительности это относится ко всем значительным произведениям, но к трудам Хайдеггера всё же в особенности. Поэтому тем, кто намерен основательно погрузиться в его философию, желательно выучить немецкий язык: задача куда более простая, чем разобраться в фундаментальном анализе здесь-бытия или, допустим, в экспликации времени как трансцендентального горизонта вопроса о существовании как таковом. В переводе произведение всегда раскрывается в определенном ракурсе, который зависит от понимания переводчика. Вероятно, для полноты впечатления предпочтительнее располагать несколькими переводами. Более того, по прошествии времени величайшие произведения, наверное, стоило бы переводить заново. Подобное, надо заметить, и так происходит стихийно: достаточно вспомнить различные переводы Платона, Канта, Данте, Гофмана, По, классических текстов минувших эпох.

Тем не менее от перевода ждут относительной адекватности. Связанные с этим проблемы отлично известны как переводчикам, так и читателям, но все-таки скажем о них несколько слов.

Чтобы перевести текст, достаточно хорошо знать иностранный язык — это заблуждение свойственно многим. Если как следует не понимают сути дела или же плохо владеют родным языком, о переводе нечего и говорить:

ни одна фраза, даже формально корректная, никогда не раскроет нужного образа, не передаст настроение, смысл. Только понятное переводчику может быть выражено и на другом языке, не более того. Мысль, состояние, чувство не возникают из рационального составления слов, пусть лингвистически и безупречного, скорее наоборот: именно чувства и мысли и побуждают слова выстраиваться в нужном порядке. Вряд ли творения Баха возникли из перебирания клавиш органа: первичны, наверное, всё же духовные сферы, благодаря которым и рождались его грандиозные мессы. Разумно нельзя объяснить, каким образом тончайшие чувства и мысли нисходят в звуки, слова, скульптуры, картины — вообще в вещество. Нет свода правил, следуя которым можно выразить настроение, смысл, красоту. Это свершается как бы «само по себе»: если есть чувство и мысль, они всё равно отразятся в словах, если их нет, значит, нет. Поэтому всякий формальный «подстрочник» — всего лишь бессмысленный набор слов. Не будь это так, достаточно было бы только «подстрочника». Случается, что поспешные дореволюционные переводы с массой небрежностей и ошибок, но сделанные талантливым писателем (Бальмонтом или Е. Бертельсом, например), куда предпочтительнее современных, исключительно точных и безукоризненных в грамматическом отношении.

Посему несомненна и совершенная невозможность компьютерных переводов — ведь компьютер не понимает смысла, особенно когда речь идет о настроениях и состояниях. Понимание чувств механизмом, осознание им себя как себя вовсе не дело времени: это невозможно по сути. Как бы не назывались подобные изыскания — големом, гофмановской Олимпией, автоматом, роботом, искусственным интеллектом, результат неизменно один: абсолютный провал. Во власти чërта создать что угодно, кроме души, иначе к чему столько трудов, неприятностей, сложных усилий ради, к примеру, души одного только доктора

Фауста. Однако, как мог бы заметить математик, в одном частном случае компьютерный перевод всё же возможен: когда смысл исходного текста равен нулю.

Итак, перевод — всегда интерпретация, пересказ, но искусство как раз в том и состоит, чтобы этот пересказ, во-первых, все-таки следовал оригиналу, и, во-вторых, был бы законченным произведением и сам по себе. Поэтому в переводе всегда неизбежно присутствует индивидуальность переводчика, но чем ее меньше, чем менее она очевидна, тем лучше.

Читая хорошую книгу во второй, в третий раз, находят всё новые смыслы. И не только, когда возвращаются к тексту спустя много лет: состояние нашего ума постоянно меняется, каждую секунду рождаются вереницы самых непредсказуемых ассоциаций, и тот же фрагмент, перечитанный сразу, воспринимается уже по-другому, а то и вообще раскрывается с иной, неожиданной стороны. Представим, что в процессе чтения мы могли бы мгновенно записывать перевод. При каждом повторном прочтении книги он всякий раз был бы правильным, однако — всегда иным.

Разъяснять, кто такой Мартин Хайдеггер, безусловно, излишне: о самом значительном философе двадцатого века сегодня можно прочесть в журналах и книгах. Но о переводах стоит поговорить. Проблема в том, что тексты Хайдеггера нельзя просто так взять и перевести. Не только потому, что уровень абстракции в его работах невероятно высок и что при этом внимание, мысль постоянно обращены к основам и сущности бытия. Хотя и непросто держаться в подобном контексте, главная трудность всё же в ином — это немецкий язык. Хайдеггер чрезвычайно интенсивно использует этимологию, словообразование, морфологию, всевозможные специфические особенности этого языка. При постановке вопросов и углублении в них, для раскрытия важных аспектов, для обозначения новых понятий и просто для пояснений в дело идут корни, приставки, окончания, суффиксы, составляются новые

слова и словосочетания, которым придаются новые смыслы. Всё связано одно с другим и с изначальными значениями морфем. Если он произнес, скажем, *die Frage*, жди *das Gefragte*, *das Befagte*, *das Erfragte*, *das Fragen*, *das Fragen dieser Frage*, *hinein-* и *hinausfragen* и тому подобное.

Самый невинный пример. Предложение из лекции «Что такое метафизика?»: «В экзистенциальном страхе “становится не по себе”». Словосочетанием «не по себе» переведено наречие «*unheimlich*». Согласно словарям, «*unheimlich*» означает «жутко, тревожно, зловеще». Однако, более подробно развивая ту же мысль в книге «Бытие и время» (§ 40), Хайдеггер пишет следующее:

В экзистенциальном страхе становится «*unheimlich*». При этом совершенно невозможно определить, что именно внушает здесь-бытию (*das Dasein*)¹ страх. Чего мы боимся? *Ничего*. Внушающего страха нет *нигде*. «*Unheimlichkeit*» вместе с тем означает и «находиться-не-дома»². При первом феноменальном обсуждении фундаментальной конституции здесь-бытия и объяснении экзистенциального смысла словосочетания «в-бытии», а также его отличия от категории «нахождение внутри», в-бытии было определено как «жить в...», «быть в доверительных отношениях с...». Этот характер в-бытии далее был разъяснен с помощью повседневной открытости общего, безличного человека (*das Man*), который привносит в усредненную повседневность здесь-бытия успокаивающую самоуверенность и ощущение, что всё хорошо и как бы «находятся у себя дома». Экзистенциальный страх, напротив, вызволяет здесь-бытие из его распаднического растворения в «мире». Доверительные отношения с повседневностью разрушаются. Здесь-бытие обособляется *как* бытие-в-мире. В-бытии входит в экзистенциальный «модус»

¹ Здесь-бытие, в частности, это мы сами. См. комментарии к лекции «Что такое метафизика?».

² От нем. *das Heim* — «дом, домашний очаг» и ю.-нем. *die Heimlichkeit* — «домашний уют», также *die Heimat* — «отчизна, родина».